

В десять часов утра Джошуа Даллера ввели в зал суда. Сидел он не так, как все: пуленепробиваемое стекло окружало его со всех сторон, напоминая правильный прозрачный короб — настоящую клетку.

Он сидел в этом загоне далеко не впервые. Тяжбы тянулись уже прилично, слушания то возобновлялись, то снова прерывались, но Джошуа так и не сумел разобраться в тонкостях судебной процедуры.

— А где присяжные? Почему нет коллегии присяжных?

Джошуа беспокойно огляделся по сторонам. Наличие присяжных, пожалуй, было единственным, что он вообще знал о судебных процессах.

Сзади, по бокам от него, вытянулись двое конвоиров из изолятора. Оба стояли с каменными лицами, уставившись строго перед собой, распространяя вокруг давящее ощущение угрозы.

Один из них, услышав вопрос, тихо фыркнул и сквозь зубы процедил:

— Да сдались тебе эти присяжные. Такие дела, как освобождение под залог, единолично решает судья.

Джошуа изменился в лице. Известие не сулило ничего хорошего — судья его явно не взлюбит.

Его и так мало кто жаловал: вечно угрюмый, желчный, с невыносимым характером, он не вызывал ни капли симпатии. Но присяжные... будь перед ним обычные люди, у него оставалась бы хоть призрачная надежда.

— Выйти под залог безумно тяжело... Практически невозможно, — обречённо прошептал Джошуа под нос.

Надзиратели за его спиной переглянулись.

Мальчишка заблуждался, причём глубоко. На самом деле получить залог было не так уж сложно. Просто прежний адвокат не желал палец о палец ударить и даже лишний раз тащиться в этот богом забытый Город Вина не хотел. Кому до него было дело?

А в Городе Вина, если ты никому не нужен, не стоит и надеяться, что инспектор по надзору проявит милосердие и сам предложит отпустить тебя до суда. Местным властям куда проще, чтобы обвиняемый до скончания веков гнил в изоляторе или тюрьме и не создавал им лишних хлопот.

Разумеется, надзиратели не собирались ничего объяснять Джошуа. Они лишь безразлично

пожали плечами, оставив его в неведении.

Джошуа с горькой обидой и злостью уставился на трибуну защиты.

— Я так и знал! Обманщики! Снова кругом одни лжецы...

Он заметил, что адвокат Гу, который ещё вчера с полной уверенностью обещал вытащить его отсюда, теперь просто сидел в стороне, безучастно наблюдая за происходящим. А за главным столом стоял тот самый юнец, что таскался за ним следом.

«Черти его знают, окончил он вообще этот университет или нет, — со злобным отчаянием подумал Джошуа».

Он видел, как шевелятся губы молодого защитника, объяснявшего что-то судье, но не мог разобрать ни единого слова — в ушах шумело от ужаса.

Потом слово взяла сторона обвинения. Что вещал прокурор? Джошуа тоже пропустил мимо ушей.

Его трясло от смеси паники и злости, к горлу подкатывала тошнота.

— Значит, мне отсюда не выйти? — прошептал Джошуа. Губы его побелели.

На подобные вопросы конвоиры отвечали куда охотнее:

— А то как же. Конечно.

Джошуа опустил голову и зарылся лицом в согнутые руки. Последние крохи надежды улетучились.

Чего парень не знал, так это того, что стоящий у трибуны защиты Янь Суйчжи вовсе не считал залог неразрешимой задачей. Более того, он планировал управиться как можно быстрее. Но прямо сейчас была очередь прокурора сотрясать воздух.

—... У подзащитного нет опекуна, — вещал прокурор, — некому контролировать его поведение и отвечать за те риски, которые он несёт для общества. История его приводов свидетельствует о наличии умеренного маниакального расстройства, что подтверждается медицинским заключением на восемнадцатой странице дополнительных материалов. Думаю, сторона защиты ознакомилась с делом и прекрасно об этом осведомлена.

Обвинитель выудил из стопки медицинское заключение и отправил его вперёд.

Голографический экран развернулся прямо перед судьёй, застыв вертикально, чтобы текст могли видеть все присутствующие в зале.

Седовласый судья кивнул, подтверждая, что ознакомился с документом, и поверх очков бросил взгляд на Янь Суйчжи.

Янь Суйчжи ответил ему спокойным, вежливым кивком: дескать, разумеется, читал.

— Видеоматериалы с первого по четвёртый — записи с камер наблюдения из изолятора временного содержания, — продолжил обвинитель, — они подтверждают то же самое. Кроме того...

Он нажал на пульт управления у себя на столе, и на экранах по обе стороны зала запустилась утренняя запись конвоирования Джошуа Даллера в суд. Камеры снимали как снаружи, так и внутри машины.

Обвинитель остановил воспроизведение на определённом кадре из салона. На экране Джошуа неистово извивался, лицо его исказила ярость, а сам он рвался к окну, явно пытаясь высунуться наружу. Конвоирам пришлось навалиться на него с обеих сторон, чтобы удержать.

— Даже сегодня по дороге на заседание подсудимый демонстрировал крайнюю эмоциональную нестабильность.

Обвинитель выдержал паузу, давая присутствующим проникнуться его словами, после чего с напускным сожалением добавил:

— К тому же у подзащитного Джошуа Даллера есть младшая сестра. Ей всего восемь лет, она совершенно беззащитна. Если мы отпустим его под залог, это будет означать, что подозреваемый в квартирной краже, страдающий маниакальным расстройством средней тяжести и имеющий за плечами кучу приводов за драки, окажется заперт в одном доме с беспомощной маленькой девочкой. Это крайне опасная затея, Ваша Честь, и все здесь это прекрасно понимают.

Закончив речь, он вежливо поклонился судье.

Судья вновь глянул поверх очков на Янь Суйчжи.

— Слово адвокату защиты... господин Жуань?

Янь Суйчжи мягко улыбнулся своему пожилому коллеге.

— Только что уважаемый обвинитель упомянул сдерживающие факторы. Ваша Честь,

позвольте задать вам один простой вопрос. Как вы считаете, что лежит в основе контроля одного человека над другим? Или, говоря иначе, почему один человек добровольно подчиняет себя воле другого? Что им движет?

— Страх, — ответил судья. — Будь то инстинкт самосохранения или давление внешних обстоятельств. — Подумав секунду, он добавил: — Ещё уважение. И любовь.

Янь Суйчжи повернулся к стороне обвинения.

— Вы согласны с этим?

Обвинитель лишь промолчал. Разумеется, согласен — кто посмеет перечить судье? Да и сам он, по правде говоря, думал точно так же.

Янь Суйчжи удовлетворенно кивнул. Одним точным движением он вытащил из виртуальной папки дела две страницы с личными данными Джошуа Даллера. Голографический экран развернулся перед присутствующими.

— Эти сведения весьма подробны и ясны, — произнёс Янь Суйчжи. — Единственный изъян — фотография явно не соответствует нынешнему возрасту моего подзащитного.

Судья промолчал. Обвинитель тоже предпочёл не комментировать эту деталь.

— Впрочем, это пустяки, сути дела не меняет, — продолжил адвокат. — Согласно документам, мой подзащитный Джошуа Даллер потерял родителей в возрасте одного года. Когда ему исполнилось семь, ушла из жизни его бабушка — последний близкий родственник. В то время другому ребёнку, которого приютила покойная, — его названной сестре Роши Даллер — исполнился всего год. Я не знаю наверняка, сколько лет было Роши на фотографии в деле. Очевидно, что не год — скорее, четыре или пять. Позвольте мне задать Его Чести и уважаемому прокурору один совсем простой вопрос: как вам кажется, Роши на этом снимке выглядит пухленькой?

Судья завис в недоумении. Прокурор тоже лишился дара речи от столь неуместного вопроса.

— Ну, немного, — ворчливо отозвался судья. — Обычный ребёнок, щёчки круглые. Толстой я её не назвал бы. — Он строго посмотрел на Янь Суйчжи. — Но какое отношение это имеет к делу? Жду разумных объяснений, господин защитник. Если вы продолжите засорять заседание посторонними вопросами, я буду вынужден вынести вам предупреждение.

Янь Суйчжи ничуть не смутился и мягко улыбнулся:

— На снимке у Роши Даллер действительно пухлые щеки, ясные глаза и вполне цветущий вид. То есть, как справедливо заметил Ваша Честь, она выглядит как самый обычный, здоровый

ребёнок.

Он сделал многозначительную паузу.

— Но в том-то и дело, что это в высшей степени неестественно. Ведь она — далеко не обычный ребёнок. Сирота, которую подобрала на улице покойная бабушка Джошуа. В период с её первого года жизни и до момента, когда был сделан этот снимок — а ей там около пяти, — доброй женщины уже не было в живых. И всё это время о ней заботился именно мой подзащитный.

— И отсюда третий вопрос. Какое чувство заставляет подростка, которому самому порой нечего есть, заботиться о чужом младенце так, чтобы тот рос крепким и пухлым? Ненависть? Или, быть может, неприязнь?

Обвинитель смолчал.

Судья невольно коснулся деревянного молотка...

Как же порой подмывало хорошенько стукнуть им по столу, когда защитники начинали ходить вокруг да около вместо того, чтобы говорить прямо.

Но старый судья, обратившись к собственной совести, вынужден был признать: возразить тут нечего. Что ещё это могло быть, если не искренняя любовь? Сдерживающих факторов всего три: страх, уважение и любовь. Значит, есть ли тот, ради кого Джошуа Даллер готов держать себя в руках? Несомненно.

Судья прикусил язык.

В конце концов, он сам только что озвучил эти правила, так что спорить с логикой защиты было бессмысленно.

— Что касается умеренного маниакального расстройства, — продолжил Янь Суйчжи, — в представленном медицинском заключении чётко указано: мой подзащитный страдает им уже давно, как минимум три года. Сейчас Роши Даллер восемь лет. Три года назад ей было пять — возраст, в котором дети уже всё прекрасно помнят и понимают. Если бы подзащитный из-за своего недуга избивал её, угрожал ей или, как выразился прокурор, представлял для неё постоянную опасность, девочка испытывала бы перед ним панический страх.

Янь Суйчжи нажал кнопку на пульте управления своей трибуны. На боковых экранах снова заиграли кадры утренней съёмки у изолятора, которые совсем недавно демонстрировало обвинение. Только на сей раз защита вывела запись с внешней камеры автомобиля.

— Спасибо этой камере за то, что в кадр попал угол здания напротив ворот изолятора. И

отдельное спасибо современным технологиям, позволяющим увеличивать удалённые объекты без потери качества.

Янь Суйчжи растянул изображение угла во весь экран.

— Видите эту девочку, притаившуюся у стены? Кожа серая, глаза потухшие, сама худая как щепка. Но, полагаю, каждый из присутствующих без труда узнает её черты. Это Роши Даллер. Неужели она стала бы часами сидеть на холодной улице и преданно ждать возвращения домашнего тирана, который её истязает?

Прокурор безмолвствовал.

Судья сверлил Янь Суйчжи взглядом. Тот ответил ему обезоруживающей улыбкой и перешёл к заключительной части:

— Моему подзащитному Джошуа Даллеру четырнадцать лет. Он несовершеннолетний, у него есть постоянное место жительства и любящая сестра, ради которой он готов сдерживать свой нрав и которая отчаянно ждёт его возвращения. Что касается его беспокойного поведения в изоляторе — это лишь доказывает его горячее стремление поскорее очистить своё имя. Он не станет скрываться от правосудия и обязательно явится на последующие заседания. Он полностью соответствует всем критериям освобождения под залог.

На лице судьи не отразилось ни единой эмоции. Он помолчал несколько секунд, а затем ровным голосом произнёс:

— Аргументы весомые. Но остаётся одна неразрешимая деталь... У Джошуа Даллера нет средств для внесения залога. И поручителя у него тоже нет.

<http://bllate.org/book/18278/1751031>